

Всеволод Воронин

Ялта в буднях революционного лихолетья

Vsevolod Voronin

(Moscow Pedagogical State University, Russia)

Everday life in revolutionary Yalta

В новой книге* протоиерея Николая Доненко, уже много лет изучающего деятельность и наследие новомучеников и исповедников Русской Православной Церкви¹, подробно освещается повседневная общественная и церковная жизнь Ялты в период революции и Гражданской войны и в последующие десятилетия, вплоть до эпохи хрущёвских гонений на Церковь. Особое внимание при этом автор уделяет событиям, происходившим в 1917–1920-е гг. Кроме того, им создана уникальная галерея исторических портретов церковных деятелей Крыма 1920–1950-х гг.

Исследование прот. Николая Доненко основано на обширном материале Архива Президента Российской Федерации, Центрального архива ФСБ РФ, Государственного архива Республики Крым, Архива ГУ СБУ в Крыму. Автор опирается на официальные документы, мемуары, литературные и публицистические сочинения, периодическую печать. Многие из этих источников ранее никогда не использовались историками. В издании также помещено свыше 230 фотоснимков (в основном – из фондов Ялтинского историко-литературного музея), значительная часть которых опубликована впервые. В приложении приводятся пространные выдержки из служебных записок, отчётов, справок и ведомостей, обнаруженных автором в архивных делах (с. 595–648).

В 1917 г. в курортную Ялту, где беззаботная красивая жизнь «успешных и богатых» контрастировала с «неприметным умиранием обездоленных и больных», пришла революция, а за ней – гражданская война, террор и голод, которые «углубили нетриви-

альный опыт горожан, железной иглой записав на скрижалях сердца предельные образы ужаса» (с. 5–6). Образованные люди, до той поры жившие верой в прогресс, разум и нравственное совершенствование человека, зачастую оказывались к этому совершенно не готовы, хотя ещё Первая мировая война сделала их «объектом игры таких сил, которые в тысячи раз превышали возможности индивидуальной свободы» (с. 6).

Как отмечает автор, освобождение Церкви из-под власти государства весной 1917 г. вызывало воодушевление у немалой части духовенства и мирян Крыма, призывавших Временное правительство законодательно закрепить эту «свободу» (с. 11, 16). Между тем «дух вседозволенности» стремительно проникал в общественную, военную и церковную среду: войска ялтинского гарнизона устраивали митинги, православные священники Алушты участвовали в совместном с католиками, мусульманами и иудеями молебне по случаю «праздника Свободы», диаконы и псаломщики вступили в борьбу с епархиальным начальством за свои «материальные» права. Радикалы требовали «объявить все магазины собственностью народа». Ялтинский и Севастопольский советы призывали карать лиц, заподозренных в нелояльности к «новому строю». Уже весной 1917 г. в Ялте объявилось более 130 бывших политзаключённых, чувствовавших себя «победителями, новыми хозяевами истории». В Ливадии бывший садовник императора по зову сердца угощал их лучшим вином из царских подвалов. Теперь монархистам, оказавшимся в состоянии «жалкой беспомощности», пришлось затаиться, ожидая расправы.

* *Доненко Н., прот.* Ялта – город веселья и смерти: Священномученики Димитрий Киранов и Тимофей Изотов, преподобномученик Антоний (Корж) и другие священнослужители Большой Ялты (1917 – 1950-е годы). Симферополь: Н.Орианда, 2014. 672 с., ил.

Их «призывы, да и вообще обращения к здравому смыслу не достигали цели» (с. 17–22).

Впрочем, несмотря на шумную деятельность революционных партий, их численность оставалась невелика. К примеру, в Симферополе в октябре 1917 г. насчитывалось не более полутора десятков большевиков. Одновременно активизировались крымскотатарские националисты; многие из них служили в конном полку, носившем имя императрицы Марии Фёдоровны и в конце ноября 1917 г. прибывшем в Ялту для поддержания порядка. Однако после крушения империи среди «эскадронцев» стали распространяться националистические настроения, открыто звучали лозунги: «Крым – татарам! Да здравствует Курултай!» (с. 22–23). И всё же, как ни парадоксально, осенью 1917 г. жизнь Ялты оставалась мирной и относительно благополучной. Сюда, подобно «голодной саранче», отовсюду стекалась «буржуазия». Бархатный сезон выдался необычайно многолюдным и роскошным (с. 26–27).

Неудивительно, что свержение Временного правительства вовсе не означало автоматического перехода власти в Крыму к сторонникам Ленина. В Ялте большевистская организация, узнав о перевороте в Петрограде, лишь «усилила свою работу» (с. 30). Только в конце 1917 – начале 1918 г. большевики и контролируемый ими ялтинский Совет рабочих и солдатских депутатов решили взять власть в городе. Это им удалось после нескольких дней упорных боёв с отрядами офицеров и «эскадронцев» на улицах Ялты и в её окрестностях. Действия сторон отличались предельной жестокостью: в Алупке офицеры расстреляли большевистских парламентёров; в ответ большевики истребили несколько десятков арестованных офицеров; «эскадронцы» зверски пытали и убивали пленных, некоторых из них живьём зарывали в землю. Победа большевиков завершилась безжалостной казнью схваченных ими офицеров и бесконечными обысками. «Победители» распределяли «ответственные должности», а «вчерашние маргиналы и преступники превращались в борцов с контрреволюцией, саботажем и мародёрством». Смена власти запомнилась ялтинцам

большим числом убитых горожан – «совершенно нейтральных людей», заметными разрушениями и подавленным настроением от «необратимости происшедшего» (с. 52–53). Автор показывает, что власть, утвердившаяся в начале 1918 г. в Крыму, своими действиями лишь провоцировала дальнейшие столкновения, провозгласив Ялту «социалистической коммуной» и терроризируя «врагов революции». В городе наступил «декретный социализм», при котором насилие (убийства, опустошение карманов и «уплотнение квартир и гостиниц разными проходимцами») смешивалось с невежеством и своеобразной простотой нравов. В частности, председатель ялтинского военно-революционного комитета В.А. Игнатенко «обладал чрезмерным даже для красноармейца простодушием»: «Он умудрился принять французского консула, пришедшего с официальным визитом, в халате и тапочках. Последний не поверил, что перед ним городской голова, и тихо сбежал» (с. 55–57).

Естественно, обыватели с нетерпением ожидали падения большевистской власти, хотя в городе ходили пугающие разговоры о том, что перед оставлением Крыма «каждый красноармеец обещал убить по одному “буржуя”» (с. 87). В конце апреля 1918 г. Крым был оккупирован германскими войсками, которых поддерживали украинские гайдамаки и крымскотатарские националисты. Расправу с лидерами Советской Социалистической Республики Тавриды находившиеся в Крыму русские аристократы встретили с ликованием и злорадством. Они поддерживали самые суровые меры и даже сетовали на нехватку у немцев «энергии». Так или иначе, оккупировав Ялту, немцы обеспечили её жителям «спокойствие» на Пасху (с. 87–88).

Но уже вскоре действия оккупационных властей в Крыму вызвали глубокое разочарование у крымчан, которых теперь официально именовали «туземцами». На полуострове было введено военное положение, начался вывоз ценного имущества и продовольствия, многие дворцы подверглись разграблению, «неоказание услуг германским войскам или отдельным лицам» каралось смертной казнью (с. 89–92). В Крыму отсутствовали поли-

тические свободы, действовала жёсткая цензура, поощрялось доноительство. Номинальной властью считалось созданное немцами марионеточное краевое правительство. Церковь находилась в бедственном состоянии. Свою опору в Крыму оккупанты видели прежде всего в немцах-колонистах, хотя заигрывали как с белогвардейцами, так и с крымско-татарскими националистами, призывавшими Германию возродить свободное от «русских» Крымское ханство. Германское правительство допускало такую возможность при условии включения данного автономного образования в состав Украины, но затем решило всё же оставить Крым «украинским с гарантией немецких прав и интересов», а Севастополь превратить в свою военно-морскую базу (с. 93–96). Русская аристократия, интересы которой в условиях «совершенно» налаженной «внешней стороны жизни», казалось, были полностью защищены, остро ощущала унижение. Кн. В.А. Оболенский писал, что «в тысячу раз лучше пережить ещё раз весь ужас анархии или большевистской государственности, чем так покорно расписаться в своём национальном бессилии». Одна из русских барынь, проживавших в Крыму и оказавшихся на положении «подданных Вильгельма», говорила в те дни: «Спится лучше, но чувствуется хуже» (с. 96–97).

После поражения Германии в войне в ноябре 1918 г. немцев сменили бывшие «союзники» России, обещавшие восстановить «порядок» и освободить население «от власти большевиков». Войска Англии, Франции, Италии и Греции находились в Крыму до апреля 1919 г. Главной базой интервентов стал Севастополь, здесь размещалось до 22 тыс. иностранных солдат. По существу же в положении дел на полуострове ничего не изменилось. Его разграбление продолжалось. «Союзники» увели в Мраморное море 5 русских боевых кораблей, вывезли военное имущество на 5 млрд руб. Истинная их цель заключалась, по признанию британской печати, в том, чтобы контролировать Чёрное море и влиять «на будущее России». Они игнорировали все просьбы Крымского правительства о помощи и впослед-

ствии передали полуостров под власть генерала А.И. Деникина (с. 105–107).

Переход Крыма в руки «Вооружённых сил Юга России» был ознаменован принудительной мобилизацией, арестами, реквизициями и карательными экспедициями. Белый террор по жестокости и безрассудству мало чем отличался от красного. В конце 1918 г. на своей даче под Ай-Тодором был убит знаменитый фабрикант гражданин Франции Ю.П. Гужон. «Союзники» были возмущены, но им пришлось замять дело, поскольку преступление совершили молодые офицеры Добровольческой армии. Московский миллионер Титов был застрелен в Ялте деникинским офицером после того, как резко отказался пожертвовать требуемую денежную сумму, заявив: «Хулиганам я не подаю». Рабочих, крестьян, батраков и тех, кого подозревали в симпатиях к большевикам, расстреливали без суда по всему Крыму. Но Ялта стала «эпицентром» произвольных расправ, которые устраивались офицерами и местными помещиками с санкции «белых» властей. Деникин объяснял поведение своих подчинённых «безнаказанностью большевистских главарей» (с. 107–109).

Вместе с тем культурная жизнь Ялты в годы Гражданской войны была насыщенной и бурной. В книге ей посвящена отдельная глава (с. 110–116). Там проживали тогда многие видные представители русской интеллигенции и духовенства, деятели науки и искусства². Одной из местных достопримечательностей было Ялтинское религиозно-философское общество, на заседаниях которого отец Сергей Булгаков призывал одержать нравственную «победу над большевизмом» с помощью «духовного перерождения». Но возвращение большевистской власти в ноябре 1920 г. положило конец уникальной культуре старой Ялты. По словам прот. Николая Доненко, «с приходом большевиков наступила новая эпоха опытного, а не теоретического познания Истины, и публичные философские обсуждения насущных проблем стали невозможными, как и существование самого религиозно-философского общества» (с. 115).

Как показывает автор, верующие жители Крыма, остро переживавшие тра-

гедию Гражданской войны, восприняли вспыхнувшую в начале 1920 г. эпидемию тифа «как кару, попущенную Богом свыше за пролитие невинной крови». Религиозный мистицизм всё глубже пропитывал общественные настроения. «Последнюю надежду на чудо» видели в чудотворной Курской иконе Божьей Матери «Знамение», доставленной в Крым из Сербии в октябре 1920 г. В Севастополе её встречали главнокомандующий барон П.Н. Врангель, члены местного правительства и толпы народа. 20 октября святыню поместили в Александро-Невский собор Ялты. Однако вскоре стало ясно, что «радость от соприкосновения с чудотворным образом Божией Матери была ниспослана скорее для укрепления в грядущих испытаниях, а не для избавления от них» (с. 115–116).

Изгнание армии Врангеля и приход красных в ноябре 1920 г. означали гибель старого уклада жизни в Ялте с её «прежним благополучием». Завоёванный большевиками Крым пережил волну кровавых репрессий. Просьбы о помиловании «неутомимыми чекистами» отклонялись, никакие смягчающие обстоятельства не принимались во внимание. В Ялте, где в 1914 г. проживало около 30 тыс. человек, было казнено, по меньшей мере, несколько сотен местных жителей, признанных «враждебными» или просто «чуждыми» новому общественному строю. Массовые расстрелы продолжались до конца января 1921 г., но и в последующем террор оставался на полуострове частью обыденной повседневности. Апофеозом борьбы с «ненавистным прошлым» явилось переименование 5 января 1921 г. Ялты в Красноармейск (правда, уже в 1922 г. прежнее название вернули) (с. 137). Следующей образцовой пропагандистской акцией стало превращение в 1921 г. «имения его императорского величества» Ливадии в «Крестьянский Санаторий». Отдыхавшие во дворце крестьяне, не так давно противившиеся с верой в доброго царя, негодовали: «Вот куда окаянный Николашка наши денежки выбрасывал!». Нарком здравоохранения РСФСР Н.А. Семашко рассматривал передачу Ливадии «народу» как «факт огромной политической важности». «Там, где пьянствовал и развратни-

чал Николай, — заявил он, — там сегодня хозяева земли русской». Демьян Бедный глумливо фантазировал: «Если бы сюда сегодня привести расстрелянного Николая, что бы он сказал? — Застрелите меня второй раз!». Публика громко хохотала. В стенах Ливадийского дворца активно велась антирелигиозная пропаганда (с. 166–176).

Хотя Гражданская война считалась уже законченной, властям приходилось вести полномасштабные боевые действия с бандами «зелёных», которым нередко предлагались почётные условия разоружения и амнистия. Организованный бандитизм удалось ликвидировать только летом 1921 г. Между тем в 1922 г. голод унёс жизни 75 тыс. жителей Крыма (с. 159–160).

Подробное и тщательно документированное изложение обстоятельств жизни Ялты в революционную эпоху лишь предваряет (и во многом поясняет) вторую часть книги прот. Николая Доненко, где на ещё не исследовавшихся источниках прослеживаются сложные судьбы представителей крымского духовенства первой половины XX в. Среди них священномученики протоиерей Димитрий Киранов (1879–1938) и иерей Тимофей Изотов (1875–1938), преподобномученик иеродиакон Антоний (Корж) (1882–1938), епископ Никон (Дегтяренко), протоиереи Николай Царенко, Пётр Сербинов, Сергей Щукин, Алексей Моссиенко, священники Аверкий Саморян, Андрей Моссейчук, Константин Павленко, Евгений Руденко, иеросхимонах Софроний (Дубинин), схимонахиня Евгения (Попова), игуменья Евдокия (Куртэн) и др. Анализируя перипетии их биографий, автор раскрывает местные реалии гонений на Церковь, изъятия церковных ценностей, закрытия и уничтожения храмов, насаждения чекистами обновленческого раскола, противостояния обновленцев и «тихоновцев», положения православного духовенства в условиях фашистской оккупации Крыма и в послевоенные годы. Собранный при этом материал, безусловно, важно учитывать в ходе изучения того, как данные процессы и явления складывались в других регионах страны.

Написанная образным, доступным и афористичным языком, книга протоиерея Николая Доненко позволяет глубже осмыслить опыт духовной жизни русского общества в переломную историческую эпоху. Она подтверждает и развивает то, о чём автор уже размышлял ранее: «Трагический опыт ушедшего столетия, во многом уникального, показывает, что главным богатством нашего Отечества были не материальные ценности — деньги или товары, не демократия с её институтами, даже не уникальная территория с армией и оружием, а люди. И, в первую очередь, такие, кто был способен оставаться человеком даже в нечеловеческих условиях... Мы знаем, что героем является не тот, кто, своевременно ощутив дух времени, может сделать убедительные заявления или же продемонстрировать выразительные жесты, но тот, у кого внутри есть недви-

жимый центр, не подчинённый сиюминутным целесообразностям»³.

Примечания

¹ См.: *Доненко Н.Н., прот.* Наследники Царства. Т. I–II. Симферополь, 2000–2004; *он же.* Новомученики города Бердянска. М., 2001; *он же.* Священномученик Аркадий (Остальский), епископ Бежецкий. М., 2008. Уже после выхода книги о Ялте прот. Николай Доненко, Р.А. Замтарадзе и С.Б. Филимонов выпустили фундаментальный труд «Крымская епархия в документах святителя Луки (Войно-Ясенецкого) и надзирающих органов. 1946–1961 гг.» (Симферополь, 2015), общий объём которого свыше 100 а.л.

² Подробнее см.: *Филимонов С.Б.* Из прошлого русской культуры в Крыму. Симферополь, 2010.

³ *Доненко Н.Н.* Наследники Царства. Т. II. С. 3.